

Ледяной дождь, шедший всю ночь, оставил после себя в горном ущелье нерассеивающуюся сырость, холод и гнетущее чувство безнадежности. Каторжники, поддерживая друг друга, поднимались с земли; их движения были вялыми и механическими, словно у марионеток на ниточках. За минувшую ночь стало на двоих меньше — никто не спрашивал, что случилось, все всё понимали без слов.

Су Чэ почти не спал. Боль от ран, пронизывающий холод и ледяной взгляд того самого князя давили на него, словно три огромные горы. Он с трудом прожевал несколько кусков черствой лепешки, выжимая из этой скудной пищи последние крохи энергии, чтобы хоть как-то поддержать свое изнуренное тело.

Травы, приложенные к запястьям, немного помогли: краснота и опухоль спали, но до заживления было еще далеко. Он бережно наложил остатки растертого трехлистника на рану того самого юноши со сломанной ногой.

— Спасибо... братец Су... — голос парня дрожал, в глазах промелькнула искра жизни. — Мой отец... сегодня утром смог выпить немного похлебки.

Су Чэ кивнул, не став ничего отвечать. Его возможности были ограничены, а на этой смертельной дороге в Бэйцзян любая крупица доброты могла исчезнуть в мгновение ока.

Отряд снова тронулся в путь. Зазвенели тяжелые кандалы и ножные кандалы, сопровождаемые подавленными стонами и нетерпеливыми окриками стражников.

Не успели они отойти далеко, как в голове колонны поднялся шум, и весь отряд был вынужден остановиться.

— В чем дело? Кто разрешил вам остановиться! — рявкнул начальник конвоя, капитан по фамилии Ван.

Солдат, отправленный на разведку, прибежал обратно, спотыкаясь и бледнея:

— Капитан Ван! Дорогу... дорогу впереди завалило обломками скал и вырванными деревьями после оползня! Пройти сейчас невозможно!

Лицо капитана Вана переменилось. Он быстро прошел вперед, чтобы оценить обстановку. И правда, единственный узкий проход к месту передачи заключенных был наглухо перекрыт. Чтобы расчистить его, им — горстке стражников и кучке полуживых каторжников — потребовалось бы не меньше полудня. А если сроки сорвутся, его самого взгреют палками.

— Проклятье! — раздраженно выругался капитан Ван, расхаживая взад-вперед. — Какая неудача!

Каторжников заставили ждать на месте. Холод и голод усиливались, обстановка накалялась. Несколько солдат начали грубо подгонять заключенных, пытаясь заставить их голыми руками разбирать завал. Но те были слишком слабы, работа двигалась медленно, а от летящих камней то и дело кто-то получал увечья, и повсюду слышались стоны.

Су Чэ прислонился к скале, наблюдая со стороны. Такая бестолковая работа не только бесполезна, но и приведет к новым жертвам. Он внимательно изучил завал и заметил, что слева склон скалы был довольно крутым, но не отвесным. Если бы нашлись веревки, ловкие люди могли бы взобраться наверх и, расчистив ключевые точки с другой стороны, значительно ускорить процесс.

Но он лишь молча смотрел. Высовываться — значит первым поплатиться головой. Вчерашней ночи было достаточно, чтобы привлечь к себе лишнее внимание.

Однако неприятности сами нашли его.

Один из заключенных, который вчера просил его помочь с расстройством желудка, видимо, решив, что Су Чэ человек покладистый, снова придвинулся к нему и прошептал:

— Братец Су, раз ты такой умелый, не мог бы ты сказать господам солдатам, что так дело не пойдет... у всех уже нет сил...

Су Чэ даже не поднял глаз:

— Я человек маленький, мое слово ничего не значит.

Тот не унимался:

— Но ведь...

Договорить он не успел — раздался крик. Один из каторжников, пытаясь сдвинуть огромный валун, не удержал его, и камень рухнул прямо ему на ногу. Потекла кровь, кости, скорее всего, были раздроблены.

Капитан Ван, увидев это, пришел в ярость и начал без разбора хлестать людей плетью:

— Никчемные отбросы! От вас никакой пользы!

Крики и удары плети действовали на всех угнетающе.

В этот момент послышался стук копыт. Люди подняли головы: по склону мчались всадники. Во

главе был тот самый темный силуэт, который они мельком видели вчера — Ван Цзин, Сяо Юй. За ним следовали начальник личной охраны Цинь Фэн и другие воины.

Капитан Ван, перепугавшись до смерти, бросился навстречу и рухнул на колени:

— Ваше Высочество! Простите, что не знали о вашем прибытии и потревожили вас!

Все солдаты и каторжники повалились на землю.

Сяо Юй натянул поводья, глядя сверху вниз на этот хаос. Его взгляд скользнул по заваленной дороге, стонущим каторжникам, дрожащим солдатам и, наконец, на мгновение задержался на скале.

Выражение его лица не изменилось, но воздух вокруг словно стал еще холоднее на несколько градусов.

— Почему стоим? — спросил он. Голос был ровным, но в нем чувствовалось незримое давление.

Капитан Ван, обливаясь холодным потом, заикаясь, объяснил причину и начал оправдываться:

— Я виноват, Ваше Высочество! Я уже приказал этим преступникам расчистить всё в кратчайшие сроки, мы успеем к месту передачи!

— В кратчайшие сроки? — повторил Сяо Юй, бросив взгляд на каторжников, которые, надрываясь, лишь создавали беспорядок. — Это и есть твое лучшее усердие?

Капитан Ван лежал ничком, не смея поднять головы.

Взгляд Сяо Юя снова медленно прошелся по толпе и остановился на худой фигуре, которая пыталась слиться с общим фоном, несмотря на тяжелые деревянные колодки.

— Ты, — он поднял хлыст и указал на Су Чэ. — Выходи.

В одно мгновение все взгляды скрестились на Су Чэ. В них читалось удивление, жалость, но больше — равнодушие.

Сердце Су Чэ подпрыгнуло, кровь, казалось, застыла в жилах. То, чего он боялся, свершилось. Он глубоко вздохнул, заставляя себя сохранять спокойствие, и с трудом, волоча за собой кандалы, вышел из толпы и опустился в грязь:

— Преступник Су Чэ приветствует Ваше Высочество.

Голос его слегка дрожал от напряжения и слабости, но слова были четкими.

— Подними голову.

Су Чэ подчинился. Впервые при дневном свете он так ясно увидел князя.

Холод — вот первое, что пришло на ум. Красивое, словно выточенное из ледяного нефрита лицо, брови, взлетающие к вискам, прямой нос, плотно сжатые губы. Каждая черта излучала холод и отчужденность. А эти глаза — глубокие, как омут, острые, как у ястреба, — сейчас без всякого тепла изучали его, словно пытаясь содрать кожу преступника и заглянуть в самую суть.

Су Чэ почувствовал давление, от которого стало трудно дышать.

— Вчера я заметил, что ты немного разбираешься в медицине, — голос Сяо Юя не выражал ни гнева, ни радости. — Есть ли у тебя идеи сейчас?

Капитан Ван и солдаты остолбенели. Этот преступник еще и в медицине смыслит?

Сердце Су Чэ бешено колотилось, мозг лихорадочно работал. Проверяет? Или спрашивает всерьез? Скажешь нет — упustiшь шанс или сочтут бесполезным. Скажешь да — как объяснить? Если предложить что-то слишком сложное, не сочтут ли его колдуном?

В одно мгновение он принял решение. Рискнуть.

Он снова опустил голову и почтительно произнес:

— Ваше Высочество, я не смею называть себя лекарем, просто в доме было много книг, и я запомнил названия некоторых трав. Что же касается завала... по моему скромному мнению, левый склон хоть и крут, но если есть веревки, можно отправить туда пару ловких людей. Они могли бы подняться выше и расчистить ключевые точки, что сэкономило бы силы и предотвратило травмы. Но это лишь мое мнение, прошу простить за дерзость.

Он говорил крайне осторожно, упоминая только свои наблюдения, не используя никаких сложных терминов.

Воцарилась тишина. Солдаты переглядывались, капитан Ван в замешательстве смотрел то на Су Чэ, то на лицо князя.

Сяо Юй молчал, не сводя глаз с Су Чэ. Это молчание давило, на спине Су Чэ выступил холодный пот.

Наконец, князь негромко произнес, обращаясь не к Су Чэ, а к стоящему позади Цинь Фэну:

— Слышал?

Цинь Фэн тут же сложил руки в приветствии:

— Будет исполнено! — он обернулся и приказал двум ловким охранникам: — Вы двое, возьмите веревки и проверьте там!

Охранники, получив приказ, действовали быстро. Их сноровка не шла ни в какое сравнение с каторжниками. С помощью веревок они легко взобрались на скалу и начали осмотр именно там, где указал Су Чэ.

Прошло не более четверти часа, как сверху раздалось:

— Командир, здесь действительно есть шаткое бревно, оно держит весь завал!

Еще через мгновение с грохотом часть завала, лишившись опоры, обрушилась, открыв проход, через который можно было пройти!

Скорость была в разы выше, чем при работе голыми руками!

Капитан Ван и солдаты застыли в изумлении, глядя на Су Чэ совершенно другими глазами.

Сяо Юй по-прежнему сохранял невозмутимость, лишь слегка кивнул, глядя на проход.

Цинь Фэн вернулся с докладом:

— Ваше Высочество, путь свободен.

Сяо Юй снова перевел взгляд на Су Чэ, который всё еще стоял на коленях. Юноша был до прозрачности бледен, его тело мелко дрожало — то ли от холода, то ли от страха. Но прямая спина и ясный, упрямый взгляд, который он вчера мельком заметил, отличали его от остальных, окончательно сломленных каторжников.

— Су Чэ, — он произнес это имя, голос оставался холодным, но в нем словно стало меньше равнодушия.

— Я здесь, Ваше Высочество.

— Снимите с него колодки.

Эти слова ошеломили не только капитана Вана, но и самого Су Чэ. Он резко поднял голову, не веря своим ушам.

— В-ваше Высочество? Но... это против закона... — капитан Ван набрался смелости прошептать. По закону колодки снимают только по прибытии к месту ссылки.

Сяо Юй бросил на него ледяной взгляд, и капитан Ван мгновенно умолк, обливаясь потом.

— До самого перевала Черного Камня ты отвечаешь за него, — тон Сяо Юя не терпел возражений. — Если что-то случится, спрошу с тебя.

— Есть! Слушаюсь! — капитан Ван поспешно подошел и дрожащими руками снял с запястий и шеи Су Чэ деревянные колодки.

В тот момент, когда тяжесть исчезла, Су Чэ едва устоял на ногах. Свежий воздух коснулся стертой до крови кожи, причиняя острую боль, но в душе его бушевала буря.

Что это значит? Мимолетная милость? Или у князя есть скрытый умысел?

Он не смел расслабляться, напротив, стал еще более настороженным.

— Благодарю за милость, Ваше Высочество, — он снова опустил голову, голос его звучал хрипло.

Сяо Юй в последний раз посмотрел на него — взгляд был глубоким и нечитаемым — и натянул поводья.

— Поехали.

Темный силуэт в сопровождении охраны умчался прочь, словно его здесь никогда и не было.

Остались лишь ошеломленные люди и Су Чэ, который только что избавился от одних оков, но почувствовал, что на него надели другие — невидимые.

Капитан Ван посмотрел на Су Чэ с нескрываемым интересом, его тон стал почтительным:

— Братец Су... пойдём. Если в пути... если что-то понадобится, говори мне.

Су Чэ потер покрасневшие запястья, глядя вслед уезжающему князю. На душе было беспокойно.

Он знал, что это не просто снятие колодок.

Взгляд того князя, подобно точному скальпелю, уже вскрыл слой его маскировки.

Настоящее испытание, возможно, только начинается.

<http://bllate.org/book/18642/1795435>